

119671

ЦНБ ХНУ
Дата повернення:

112671

0

М. Н. Покровский.

ВНѢШНЯЯ

ПОЛИТИКА.

70

Сборникъ статей
(1914—1917).

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БИБЛІОТЕКА А.Д.У.
Inv. № 112671

112

96

Университет
1918

Книгоиздательство „ДЕННИЦА“
1918 г.

58

322
11

322
11

27083

МОСКВА.
Типография Российской Федеративной Советской Республики.
(Бывшая Синодальная).

Константинополь.

I.

«Константинополь долженъ быть *нашъ*, завоеванъ *нами*, русскими, у турокъ, и остаться нашимъ на вѣки. Однимъ намъ онъ долженъ принадлежать... Ибо что такое Восточный вопросъ? Восточный вопросъ есть въ сущности своей разрѣшеніе судебъ православія. Судьбы православія слиты съ назначеніемъ Россіи... Восточный вопросъ вовсе не славянофилами выдуманъ, да и никѣмъ не выдуманъ, а самъ родился, и уже очень давно—родился раньше славянофиловъ, раньше насъ, раньше васъ, раньше даже Петра Великаго и Русской имперіи. Родился онъ при первомъ сплоченіи великорусскаго племени въ единое русское государство, т.-е. вмѣстѣ съ царствомъ Московскимъ. Восточный вопросъ есть исконная идея Московскаго царства, которую Петръ Великій признать въ высшей степени и, оставляя Москву, перенесъ съ собою въ Петербургъ».

Но къ чему эти цитаты изъ стараго «Дневника Писателя» Достоевскаго? Развѣ нѣтъ теперь объясненій русской тяги къ Константинополю болѣе разумныхъ, болѣе «современныхъ»? Согласенъ, что есть—есть даже гораздо болѣе современные «дневники». Но, не говоря объ этихъ послѣднихъ, «современныя» объясненія нашей любви къ древней Византіи (какъ бы это выразиться повѣжливѣе) не стоятъ на двухъ ногахъ. Говорятъ, Россіи необходимъ *выходъ* къ свободному морю. Но почему же искать этотъ выходъ на югъ, а не на западъ? Балтійское море соединено съ океаномъ (или его заливомъ—Сѣвернымъ моремъ) цѣпью проливовъ, изъ которыхъ самый важный, Зундъ, не шире четырехъ верстъ. Однимъ берегомъ этотъ проливъ принадлежитъ, правда, дружественной Даніи (но что значить дружба въ наши коварные дни? развѣ Николай I не былъ лучшимъ другомъ Турціи?)—другой же въ рукахъ Швеціи, дружественность которой, употребляя самыя дипломатическія выраженія, сомнительна¹⁾. А на четыре версты умѣли стрѣлять даже старыя гладкостѣнные пушки, не то, что теперешнія. Словомъ, Зундъ «не нашъ» нисколько не менѣе, чѣмъ Босфоръ. Почему же существуетъ константинопольскій вопросъ, а нѣтъ копенгагенскаго? Если смотрѣть съ точки зрѣнія «выхода къ свободному морю», разумѣется—Боже насъ сохрани ссорить Россію съ Даніей; это тѣ, кто ищетъ «выхода», наводятъ на такія крамольныя мысли. Мы же къ этимъ крамольнымъ мыслямъ не можемъ присоединиться, хотя бы по одному тому, что никакъ не въ силахъ понять, почему Средиземное море—*свободное*? Свободнымъ моремъ называется такое, изъ котораго плыви, куда хочешь. Можно ли изъ Средиземнаго моря плыть, куда хочешь?

Съ позволенія Англіи—да, безъ этого позволенія—нѣтъ, ибо оба выхода изъ Средиземнаго моря,—Гибралтарскій проливъ и Суэзскій каналъ,—находятся въ рукахъ Англіи и, это совершенно ясно, всегда будутъ фактически въ рукахъ *сильнѣйшей* морской державы даннаго времени. Сейчасъ этой сильнѣйшей морской державой является, безспорно, Англія. Но проливы приобрѣтаются не на годъ и не на десять лѣтъ, а навсегда. Можно ли предсказать, не будучи человѣкомъ боговдохновеннымъ, какая держава будетъ «самой сильной на морѣ», ну, хотя бы, черезъ двадцать пять лѣтъ?

Какой вы, однако, пессимистъ, скажутъ. То вы инсинуируете, что русско-шведская дружба непрочна, то, что морская мощь Англіи не вѣчна. Все это буква буки, можетъ быть, это сбудется, можетъ быть, нѣтъ. Намъ важно имѣть «ключъ отъ собственнаго дома», въ обычныхъ, нормальныхъ условіяхъ—въ условіяхъ *status quo*. Намъ нужно, чтобы мы въ мирное время могли провозить черезъ Босфоръ и Дарданеллы свои товары, не спрашиваясь какой-то Турціи. А что во время войны насъ заблокируютъ тѣ, кто сильнѣе насъ на морѣ, это само собою разумѣется: зкую новость отыскали!

* * *

Всего три года тому назадъ я ни за что не рѣшился бы написать того, что сейчасъ слѣдуетъ. Такъ велико мое уваженіе къ читателю, что я никогда не осмѣлился бы напоминать ему объ учебникѣ Иловайскаго. Долженъ признаться, что три года тому назадъ я и не подозрѣвалъ, до чего это полезная книжка. Подумайте: благодаря ей, всякій гимназистъ можетъ знать то, что, по всей видимости, неизвѣстно «государственнымъ людямъ», выступающимъ съ рѣчами о Константинополѣ на трибунѣ Государственной Думы. Правда, есть большія основанія думать, что «государственные люди»¹⁾ нѣсколько лукавятъ: сами-то они знаютъ русскую исторію достаточно хорошо, но они рассчитываютъ, во-первыхъ, на силу забвенія, столь спасительную для гимназистовъ. а, во-вторыхъ, на всеѣмъ извѣстную стыдливость русскаго обывателя. Если кто и не позабылъ еще совсѣмъ Иловайскаго, постыдится вспомнить. И вотъ, надо же кому-нибудь взять на себя бремя стыда! Я осмѣливаюсь напомнить, что Иловайскій, скрывъ отъ читателей обстоятельства кончины императоровъ Петра III и Павла I, не скрывъ, однако, отъ нихъ, что 2 сентября 1829 г. былъ заключенъ Адрианопольскій миръ, предоставившій русскимъ торговымъ судамъ свободное плаваніе черезъ Босфоръ и Дарданеллы на все будущее время. *Въ обычныхъ мирныхъ условіяхъ, въ условіяхъ status quo, русскіе уже почти девяносто лѣтъ могутъ свободно и безпрепятственно возить свои товары черезъ проливы, не спрашиваясь турокъ*²⁾. Оставалось устано-

1) Опредѣленіе, данное, какъ извѣстно, газетой «L'Humanité» г. Милюкову.

2) Для ясности приводимъ соответствующую, *седьмую*, статью трактата:

«Высокая Порта сверхъ того (т.е. уваженія общаго принципа свободы торговли, о чемъ говорилось въ трактатѣ передъ этимъ) обязуется, въ частности, тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы торговля и мореплаваніе въ Черномъ морѣ не могли встрѣтить никакой задержки, какого то ни было рода. Съ этою цѣлью, она (Порта) признаетъ и объявляетъ проходъ черезъ Константинопольскій каналъ (т.е. Босфоръ) и черезъ Дарданельскій проливъ вполне свободнымъ и открытымъ для русскихъ судовъ подъ торговымъ флагомъ, груженныхъ или съ балластомъ, идутъ ли они изъ Чернаго моря въ Средиземное, или изъ Средиземнаго въ Черное. Эти корабли, разъ только это будутъ торговые суда, каковы бы ни были ихъ размѣры и ихъ назначеніе, не будутъ подвер-

вить *санкцію*. Собственно эта санкція содержится въ заключительномъ абзацѣ приведенной статьи Адрианопольскаго трактата: но средство, здѣсь предусматриваемое—война или, по крайней мѣрѣ, блокада—слишкомъ громоздко. Не мобилизовать же черноморскій флотъ изъ-за каждой мелкой придирки турокъ къ русскимъ торговымъ судамъ! Но не слѣдуетъ думать, что затрудненіе было непреодолимо, напротивъ, преодолѣть его было до чрезвычайности легко. Дѣло въ томъ, что въ свободномъ плаваніи черезъ проливы заинтересованъ не только русскій торговый флотъ и даже не онъ на первомъ мѣстѣ. Въ 1909—10 г. (турецкій отчетный годъ не совпадаетъ съ нашимъ) прошедшія черезъ Дарданеллы суда по національности распредѣлялись такъ:

	Число судовъ.	Тоннажъ (тыс. тоннъ).	% (тоннъ).
Англія	3.646	6.923	41,7
Греція	4.048	2.936	17,7
Австро-В	788	1.524	9,2
Россія	719	1.151	7,0
Италія	657	958	5,8
Германія	369	671	4,0
Франція	498	584	3,5

Итакъ, Англія, Греція и Австрія заинтересованы въ открытіи проливовъ, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ Россія; Италія, Германія и Франція—немногимъ меньше. Казалось бы, великолѣпная почва для *международнаго соглашенія* относительно проливовъ. И юридическій образецъ налицо: Суэзскій каналъ въ моментъ своего открытія лежалъ обоими своими берегами на турецкой территоріи. Стоило объявить проливы, подобно Суэзскому каналу, дорогой международнаго значенія—и всякая опасность блокады по злему умыслу Турціи была бы устранена. Въ литературѣ международнаго права этотъ проектъ и разраба-

гаться никакимъ задержкамъ или безпокойствамъ, какъ установлено выше... Въ силу того же принципа проходъ черезъ Константинопольскій каналъ и Дарданельскій проливъ объявляется свободнымъ и открытымъ для всехъ торговыхъ судовъ державъ, находящихся въ мирѣ съ Высокой Портой, идутъ ли они въ русскіе порты Чернаго моря, груженные или съ балластомъ, или возвращаются изъ нихъ, на тѣхъ же условіяхъ, какія установлены для кораблей подъ русскимъ флагомъ. Наконецъ, Высокая Порта, признавая за Россійскимъ Императорскимъ дворомъ право обезпечить себѣ эту полную свободу торговли и плаванія въ Черномъ морѣ гарантіями, торжественно объявляетъ, что съ ея стороны никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ ни малѣйшаго препятствія (этой торговлѣ). Въ особенности она обѣщаетъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не позволять впредь останавливать или задерживать суда, груженные или съ балластомъ, русскія или принадлежащія странамъ, съ которыми Оттоманская имперія не находится въ состояніи объявленной войны... Въ случаѣ же, отъ чего Боже сохрани, какое-либо изъ постановленій, содержащихся въ настоящей статьѣ, будетъ нарушено, и представленія русскаго посланника по этому поводу не получать скорого и полнаго удовлетворенія, В. Порта заранее признаетъ за Росс. Имп. Дворомъ право разсматривать подобное нарушеніе, какъ актъ враждебный, и немедленно прибѣгнуть къ репрессаліямъ по отношенію къ Оттоманской имперіи» (Noradounghian, Recueil d'actes internationaux de l'empire ottoman, II, 170). Я перевелъ французскій текстъ, такъ какъ только онъ имѣетъ международное значеніе и обязателенъ для Турціи. Въ одной статьѣ «Лѣтописи» была ссылка и на Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ 1774 г.—ссылка совершенно правильная, ибо *принципіально* открылъ проливы для русской торговли именно онъ. Къ сожалѣнію, Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ редактированъ русскими дипломатами чрезвычайно туманно, повидимому, нарочно, чтобы использовать эту туманность противъ турокъ: на дѣлѣ этимъ воспользовались сами турки, нашедшіе въ договорѣ цѣлый рудникъ мелкихъ придирокъ. Такъ что *фактическая* свобода проливовъ для русской торговли датируется только 1829 годомъ.

тывался¹⁾. Но русскіе дипломаты интересовались этимъ проектомъ меньше всего на свѣтѣ. Только разъ (въ Санъ-Стефанскомъ трактатѣ 1878 г.) была сдѣлана попытка объявить Дарданеллы и Босфоръ открытыми для нейтральныхъ судовъ даже въ случаѣ русско-турецкой войны. Но на Берлинскомъ конгрессѣ русская дипломатія, въ этомъ пунктѣ, не стала настаивать: вопросъ о черногорской границѣ былъ куда важнѣе. Въ самомъ дѣлѣ—послѣ 1829 года «дверь отъ собственнаго дома» постоянно стояла открытой,—чего ужъ было хлопотать о ключѣ?

Но это въ мирное время, скажетъ читатель, а вдругъ война? Но, вѣдь, вы же сами согласились, дорогой читатель, что въ случаѣ войны насъ все равно заблокируютъ. И при этомъ все равно заблокируютъ, будутъ ли проливы въ нашихъ собственныхъ рукахъ или въ турецкихъ. Для флота болѣе сильнаго, чѣмъ русскій, такъ же легко запереть южный выходъ изъ Дарданеллъ, какъ туркамъ запереть сѣверный выходъ изъ Босфора. Нужно это твердо помнить: переходъ въ руки Россіи проливовъ гарантируетъ ее только на случай войны съ Турціей, только съ нею одной, безъ союзниковъ. Стоитъ туркамъ найти морского союзника, какъ бы онъ ни назывался, и «дверь отъ собственнаго дома» будетъ такъ же прочно заперта, какъ и раньше. Правда, будетъ заперта дверь внизу лѣстницы, а не дверь въ переднюю: но кто же пользуется дверями, чтобы сидѣть на своей собственной лѣстницѣ? Дверь нужна, чтобы можно было выйти изъ дому. А этого—съ точки зрѣнія русскаго *экономическаго* развитія—легче достигнуть путемъ *нейтрализаціи* проливовъ, чѣмъ путемъ обладанія ими²⁾.

Итакъ? Итакъ, экономическое объясненіе, даваемое стремленію Россіи на берега Босфора „государственными людьми“, оказывается не имѣющимъ почти никакого касательства къ истинѣ. Его приходится принять лишь, какъ комплиментъ «историческому материализму» со стороны его наиболѣе непримиримыхъ противниковъ. Правду писалъ Булгаковъ, что «ни одна еще историческая эпоха не склонна была въ большей степени ощущать міръ, какъ хозяйство». Мода, значить, такая. Но портной рѣдко ходитъ въ модномъ платьѣ, и намъ, историческимъ материалистамъ по профессіи, не стоитъ гнаться за «государственными людьми». Намъ, по правдѣ сказать, начинаютъ сильно надобѣдать упрощенно-экономическія объясненія (въ родѣ, напимѣръ, того, что слухи о войнѣ пускаютъ пушечные заводчики). Все чаще и чаще мы вспоминаемъ слова Энгельса, что экономика объясняетъ исторію лишь въ *конечномъ счетѣ*. А такъ какъ въ конечномъ-то счетѣ экономически можетъ быть объяснено все, не исключая и православія, то не поискать ли намъ, какой историческій (и, можетъ быть, даже экономическій), фактъ отразила собою схема Достоевскаго?

* * *

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта схема весьма далека отъ какихъ бы то ни было фактовъ. «Восточный вопросъ есть исконная идея московскаго царства», говоритъ Достоевскій. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ эту мысль еще опредѣленнѣе.

«Итакъ, во имя чего же, во имя какого *нравственнаго* права могла бы искать Россія Константинополя? Опираясь на какія высшія

¹⁾ Въ книгѣ *Льва* «Русская политика въ восточномъ вопросѣ». Ср. Michof. *La mer Noire et les détroits de Constantinople*. Paris 1899.

²⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ цитиров. статьѣ «Лѣтописи», стр. 189—190.

цѣли могла бы требовать его отъ Европы? А вотъ именно какъ предводительница православія, какъ покровительница и охранительница его,—роль, предназначенная ей еще съ Ивана III, поставившаго въ знакъ ея и царьградскаго двуглаваго орла выше древняго герба Россіи...» Конечно, о «древнемъ гербѣ Россіи» мы ничего не знаемъ—его и не могло быть, ибо въ предшествующую Ивану III эпоху будущая «Россія» не представляла собою одного цѣлаго, а была раздѣлена на множество мелкихъ государствъ. Достоевскій, вѣроятно, вспомнилъ, что Иванъ замѣнилъ двуглавымъ орломъ старый *московскій* гербъ—Георгія Побѣдоносца. Но гербъ Москвы не есть гербъ Россіи точно такъ же, какъ гербъ Парижа не есть гербъ Франціи. Это мелочь—но, къ сожалѣнію, и въ крупномъ Достоевскій не точнѣе, чѣмъ въ мелочахъ. Это вѣрно, что при Иванѣ III московское царство (еще не Россія! Достоевскій, вѣроятно, считалъ Кіевъ русскимъ городомъ а не только Кіевъ, но и Смоленскъ лежалъ еще за предѣлами державы Ивана III) взяло на себя роль покровителя, охранителя и предводителя православія. Но изъ этого отнюдь не слѣдовало, что московскіе цари должны были стремиться къ матеріальному обладанію настоящимъ Царьградомъ, тѣмъ, который стоитъ у выхода изъ Босфора въ Мраморное море. Русскимъ книжникамъ, вырабатывавшимъ идеологию всемірнаго православнаго царства, нуженъ былъ не этотъ реальный Царьградъ, а Царьградъ мистическій, православнѣйшій городъ вселенной, искать который на картѣ было бы такъ же странно, какъ искать на ней земной рай. Онъ былъ тамъ, гдѣ краше всего цвѣтеть православіе, гдѣ на его непорочной бѣлизнѣ нѣтъ ни единого пятнышка ереси. Въ такомъ именно незапятнанномъ видѣ было православіе въ Москвѣ—она и была *третьимъ Римомъ*. Константинополь же, наоборотъ, оттого и погибъ, попалъ въ руки безбожныхъ агарянъ, что запятналъ себя ересью, подчинившись власти римскаго папы (Флорентійская унія 1439 г.). Великому русскому мистичу девятнадцатаго вѣка было далеко до его предшественниковъ шестнадцатаго, и если бы поставить Достоевскаго на очную ставку со старцемъ Филофеемъ, плохо пришлось бы автору «Преступленія и наказанія».

Идея крестоваго похода на турокъ для отнятія у нихъ Константинополя есть идея не православная, а *католическая*. По своему происхожденію она тѣсно связана съ тою самой флорентійскою уніей, которая въ глазахъ православныхъ москвичей была такимъ великимъ грѣхопаденіемъ грековъ. Именно потому византійская церковь и пошла подъ папское иго, что это казалось единственнымъ возможнымъ средствомъ получить вооруженную помощь Западной Европы при посредствѣ папы. Надежда была обманута—Византія отстала въ своихъ представленіяхъ о Западной Европѣ на три столѣтія. Папы пятнадцатаго вѣка оказались не въ силахъ повторить подвиги папъ одиннадцатаго вѣка—Европа не встала крестовымъ походомъ на турокъ. Но папство честно исполняло принятое на себя обязательство—и паденіе Константинополя только усилило католическую пропаганду крестоваго похода. Мало успѣшная на Западѣ, пропаганда эта была явно болѣе успѣшна на Востокѣ Европы, въ Венгріи и въ Польшѣ, гдѣ лучше чувствовалась турецкая опасность. Когда появилась на политической сценѣ Москва, это возбудило величайшія надежды. Желаніе Ивана III породниться съ византійскимъ царскимъ домомъ, проживавшимъ въ изгнаніи, было сейчасъ же подхвачено римскою куріей и использовано для цѣлей крестоносной пропаганды. Успѣхъ казался такъ несомнѣнъ, что византійскую принцессу Зою (будущую московскую царицу Софію Па-

леологъ) снабдили деньгами на путевыя издержки изъ специальной кассы крестоваго похода. Ея свадьба съ великимъ княземъ московскимъ разсматривалась, какъ одно изъ подготовительныхъ военныхъ дѣйствій! Но Иванъ III готовилъ римской куріи жестокое разочарованіе. Хитрый московскій вотчинникъ желалъ путемъ брака съ Зоей прежде всего сдѣлаться вотчинникомъ и всемірнаго православнаго царства: онъ и вселенское православіе не могъ мыслить иначе, какъ въ видѣ огромной вотчины. До конкретной вотчины его будущихъ родственниковъ, Константинополя съ его пригородами, Ивану III было мало дѣла: гораздо соблазнительнѣе были тѣ, тоже православныя, земли, которыя лежали на западъ отъ Москвы, въ границахъ тогдашняго великаго княжества литовскаго. Характерно, что «проливы», въ извѣстномъ смыслѣ—и въ извѣстномъ масштабѣ, нужно прибавить—были интересны для Москвы уже и въ XV вѣкѣ; черезъ крымскій Сурожъ (теперешнюю Феодосію) въ Москву шли шелковыя ткани, а торговля ими была настолько важной, что «гости-сурожане» стояли въ первомъ ряду московскихъ купцовъ. Сурожская торговля нуждалась въ хорошихъ отношеніяхъ Москвы съ крымскимъ ханомъ—вассаломъ султана турецкаго, влияніе же московской буржуазіи въ московскомъ царствѣ было гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Иванъ не только не собирался воевать съ султаномъ, но старался ради интересовъ своего купечества сблизиться съ султаномъ тѣснѣе, чѣмъ то было раньше. «Какъ мой человѣкъ Федоръ былъ въ рукахъ у султана турецкаго, то ему говорили наши большіе, господа своего словомъ, что салтанъ турецкій хочеть со мною дружбы,—писалъ Иванъ крымскому хану:—и ты бы для меня поотвѣдалъ, какой дружбы со мною хочеть Турскій?» Султанъ, черезъ хана же, отвѣтилъ: «Если государь московскій крымскому хану братъ, то будетъ и мнѣ братъ». Въ Римѣ были чрезвычайно плохо освѣдомлены о русско-турецкихъ отношеніяхъ. Если на безоблачное небо московско-турецкаго братства и налетали иногда облачка, то это бывало опять-таки въ связи съ тѣми же торговыми сношеніями; турецкіе чиновники были злѣйшіе взяточники и московскихъ купцовъ въ турецкихъ городахъ прямо грабили. Иванъ III писалъ по этому поводу жалобы въ Константинополь, но въ крайне вѣжливой формѣ, очевидно, отнюдь не желая себѣ ссориться; въ первой грамотѣ имя султана было поставлено прежде имени великаго князя—честь, которой не находили нужнымъ оказывать христіанскимъ сосѣдямъ московскаго государства. «Честь» султана, впрочемъ, и послѣ высоко расцѣнивалась при московскомъ дворѣ: ровнею для себя его соглашался признавать и Иванъ Грозный, тогда какъ претензіи шведскаго, напримѣръ, короля на равенство съ московскимъ царемъ признавались «такъ отстоящими отъ мѣры, какъ небо отъ земли».

Грозный былъ первымъ русскимъ царемъ, который какъ будто поддался влиянію не устававшей римской пропаганды въ пользу крестоваго похода на турокъ. Онъ чрезвычайно обрадовалъ Римъ своимъ заявленіемъ готовности стать вмѣстѣ съ папою и императоромъ противъ турецкаго султана. Но Иванъ IV былъ не менѣе хитеръ, чѣмъ его дѣдушка: ему нужна была помощь папы не противъ султана, а противъ польскаго короля Стефана Баторія, который когда-то былъ турецкимъ вассаломъ по воеводству седмиградскому, что дѣлало его въ глазахъ Грознаго совершеннымъ туркомъ, и даже много хуже; много хуже, потому что турки были далеко, и вреда отъ нихъ не было, а Баторій стоялъ подъ Псковомъ. Въ Римѣ едва ли не понимали своекорыстную подкладку крестоноснаго усердія, вдругъ овладѣвшаго мо-

сковскимъ царемъ,—но, какъ люди практическіе, рѣшили взять то, что есть. Въ Москву былъ отправленъ знаменитый Антоній Поссевинъ, при посредствѣ котораго и былъ заключенъ миръ съ Польшей. Послѣ этого, разумѣется, сейчасъ же оказалось, что московская армія слишкомъ утомлена войной, чтобы еще итти въ новый походъ. Римской куріи пришлось подождать, пока на московскомъ престолѣ оказался, волею случайностей, какихъ не выдумать ни одному бульварному романисту, настоящій католикъ. При Названномъ Димитріи (вѣроятно, скоро мы его будемъ называть просто Димитріемъ—теорія «самозванства» старѣетъ съ каждымъ поколѣніемъ историковъ) приготовленія къ походу на Царьградъ пошли такъ живо, какъ только можно было ожидать отъ этого человѣка, который былъ слишкомъ хорошимъ военнымъ, чтобы быть удовлетворительнымъ царемъ для своего времени. Именно въ этихъ приготовленіяхъ московскій народъ и усмотрѣлъ нѣчто еретическое—вмѣсто крестоваго похода костями будущаго крестоносца выстрѣлили по направленію къ Риму. Вслѣдъ за тѣмъ вопросъ о войнѣ съ Турціей сошелъ съ очереди московской политики до той поры, когда турки сдѣлались нашими сосѣдями по Украинѣ, а московскій торговый капиталъ сталъ искать новыхъ дорогъ во всѣ стороны свѣта. Въ это время, во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, старая идеологія вселенскаго православія гнила на кострахъ съ послѣдними «расколоучителями»,—и скоро глава вселенскаго православія, вмѣсто того, чтобы благоговѣнно вести за поводъ «осля», на которомъ ѣхалъ святѣйшій патріархъ, сталъ провожать со своимъ дворомъ всешутѣйшаго патріарха «въ садъ набережной, къ погребу фряжскому».. Секуляризованная Москва (дѣло было еще не въ Петербургѣ!) быстро обгоняла своихъ западныхъ учителей. Петръ охотно воевалъ съ турками (до прутскаго похода), но подводитъ его политику подъ категорію «крестоваго похода» было бы такъ же странно, какъ видѣть остатокъ крестоноснаго движенія въ экспедиціи Бонапарта въ Палестину.

Итакъ, что касается историческихъ фактовъ, доводы Достоевскаго являются, конечно, «неосновательными». Нужно сказать, что онъ не болѣе основателенъ и въ области фактовъ, ему современныхъ. Повѣрятъ ли читатели, что онъ надѣялся получить Константинополь—при помощи Германіи?! «Въ Европѣ есть Германія, и та на нашей сторонѣ». «Что Германіи дѣлать съ нами? объектъ ея—все западное человечество. Она себя предназначила западный міръ Европы, провести въ него свои начала вмѣсто римскихъ и романскихъ началъ и впредь стать предводительницею его, а Россіи она оставляетъ Востокъ. Два великіе народа такимъ образомъ предназначены измѣнить ликъ міра сего... Надо считать, что дружба Россіи съ Германіей нелицемѣрна и тверда и будетъ укрѣпляться чѣмъ дальше, тѣмъ больше, распространяясь и укрѣпляясь постепенно въ народномъ сознаніи обѣихъ націй, а потому, можетъ быть, даже не было и момента для Россіи выгоднѣе для разрѣшенія Восточнаго вопроса окончательно, какъ теперь». («Дневникъ Писателя», 1877 годъ, ноябрь). Это кажется теперь бредомъ; но не нужно забывать, что въ возможность добыть Константинополь при помощи Германіи тогда вѣрилъ и глава російской дипломатіи, кн. Горчаковъ. «Бисмаркъ заявилъ (будто-бы, гр. Шувалову), что для поддержанія нашихъ претензій Пруссія предоставитъ въ наше распоряженіе германскую армію», писалъ передъ началомъ русско-турецкой войны 1877 г. Горчаковъ русскому послу въ Берлинѣ, Убри¹⁾. Достоевскій бредилъ

¹⁾ См. Горяинова «Босфоръ и Дарданеллы», стр. 316 франц. перевода.

въ хорошей компаніи... А затѣмъ не нужно придирается къ фактической аргументаціи Достоевскаго—важна *схема*, а она гораздо шире этой аргументаціи въ своихъ основаніяхъ. Почему Германія поможетъ Россіи взять Константинополь? Потому что «истинному германцу болѣе всѣхъ ненавистенъ»—вы думаете, турецкій султанъ? Нѣтъ, «соціализмъ». Но какая же связь между борьбою противъ социализма и отдачей Россіи Константинополя? Какъ же вы не знаете: вѣдь «соціализмъ есть чудовище, порожденное *католицизмомъ*». Теперь начинаете понимать? «Католичество умирать не хочетъ, социальная же революція и новый социальный періодъ въ Европѣ тоже несомнѣненъ: двѣ силы должны согласиться, два теченія слиться. Разумѣется, католичеству даже выгодны будутъ рѣзня, кровь, грабежъ и хотя бы даже антропофагія. Тутъ-то оно и можетъ надѣяться поймать на крючокъ въ мутной водѣ еще разъ свою рыбу...» А противъ католицизма и его исчадія какого же Германія можетъ найти союзника надежнѣе, чѣмъ православная Русь? И Достоевскій заранѣе торжествуетъ, предвидя «предрѣшенную Бисмаркомъ судьбу Франціи»—въ его глазахъ воплощенія католицизма и социализма одновременно. «Францію ждетъ судьба Польши и политически жить она не будетъ»...

Но оставимъ эту новую бредовую картину, попробуемъ резюмировать *логику* аргументаціи Достоевскаго, не придираясь къ фактамъ, которые онъ, счастливо или несчастливо, приводитъ для иллюстраціи своихъ мыслей. Что все это значитъ? Россія должна получить Царьградъ, дабы Бисмаркъ («единственный политикъ въ Европѣ, проникающій гениальнымъ взглядомъ своимъ въ самую глубь фактовъ») могъ справиться съ Франціей и социализмомъ («социализмомъ пройденна Германія»). Это—программа новаго «священнаго союза», какъ и священный союзъ 1815 г., направленного противъ революціи, тогда «якобинской», теперь социалистической, но воплощавшейся и тогда, и теперь одинаково во Франціи. Для 1815 года воплощеніе было выбрано удачнѣе, чѣмъ для 1877 (не забудемъ все-таки, что эти годы, конецъ 70-хъ, были весной республиканскаго движенія, повалившаго Макъ-Магона, и что у всѣхъ была еще въ свѣжей памяти коммуна), но это опять литературная сторона дѣла: суть же его заключается въ томъ, что переходъ Константинополя въ руки Россіи являлся для Достоевскаго, частью *общевропейской реакціонной программы*. Въ этомъ, конечно, ея *отличіе* отъ программы 1815 г.: тогда Россіи, за ея услуги дѣлу реакціи никто не думалъ отдавать въ награду Константинополь; напротивъ, фактическій вождь Священнаго союза, Меттернихъ, старался создать изъ этого союза непреходимую преграду между Россіей и Константинополемъ¹⁾. Но нужно сказать, что въ 1815 году найти реакціонеровъ было легко: если бы Бисмаркъ вздумалъ повторить Меттерниха (что въ трезвую голову вождя прусскаго юнкерства никогда не пришло бы), ему пришлось бы покупать себѣ союзниковъ болѣе дорогой цѣной. «Расчетецъ» Достоевскаго былъ тоньше, чѣмъ съ перваго взгляда кажется. Но дѣло опять-таки и не въ цѣлесообразности программы Достоевскаго. Дѣло въ ея идеологической подкладкѣ. Его ассоціація: реакція—русскій Царьградъ, есть ли это что-нибудь одинокое въ литературѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Эту тему развивалъ еще Погодинъ въ своихъ «Политическихъ письмахъ» 1854 года; очень

¹⁾ Великолѣпный матеріалъ для освѣщенія этой стороны Священнаго союза даетъ недавно опубликованная в. кн. Николаемъ Михайловичемъ переписка Меттерниха съ Лебедельтерномъ, австрійскимъ подломъ при Александрѣ I.

близко къ этой темѣ подходилъ Данилевскій, авторъ «Россіи и Европы», въ концѣ 60-хъ гг. Очень близко, но не вплотную все же: цитированная нами глава «Дневника Писателя» и посвящена дружеской полемикѣ именно съ Данилевскимъ (у котораго такъ много «превосходныхъ и вѣрныхъ разсужденій, напримѣръ, о томъ, что Константинополь по изгнаніи турокъ отнюдь не можетъ стать вольнымъ городомъ, въ родѣ, какъ, напримѣръ, прежде Краковъ, не рискуя сдѣлаться гнѣздомъ всякой гадости, интриги, убѣжищемъ всѣхъ заговорщиковъ всего міра, добычей жидовъ, спекулянтовъ и проч., и проч.»). Послѣдній, нѣсколько болѣе политическій человекъ и нѣсколько менѣе мечтатель, чѣмъ Достоевскій, не надѣялся, чтобы «Европа», которую онъ отъ всей души ненавидѣлъ, хотя бы даже въ образѣ Бисмарка, согласилась отдать Россіи Царьградъ въ единоличную собственность: онъ поэтому рассчитывалъ замаскировать главенство Россіи, предлагая сдѣлать Константинополь «общимъ городомъ всѣхъ восточныхъ народностей». Достоевскій, вѣрившій въ своего Бисмарка, не видѣлъ нужды въ подобномъ маскарадѣ, и возмущался имъ. Во всемъ остальномъ оба оппонента были совершенно согласны, какъ можно видѣть по приведенной цитатѣ о судьбѣ Константинополя—вольнаго города. Что же касается реакціонности, то въ этой области Данилевскій, которому вскорѣ суждено было сдѣлаться почти официальнымъ идеологомъ Россіи Александра III (при Толстомъ и Деляновѣ «Россія и Европа» рекомендовалась, какъ настольная книга, всѣмъ студентамъ и преподавателямъ исторіи), конечно, не уступалъ автору «Братьевъ Карамазовыхъ». Самодержавная Россія стояла для него, какъ чистая дѣвственница, передъ запятанною скверной всяческаго либерализма и демократизма Европой. Самодержецъ былъ для Данилевскаго не только полновластнымъ распорядителемъ судебъ своихъ подданныхъ: онъ былъ ихъ мозгомъ и сердцемъ, они думали его мыслями и двигались его волей. «Русскій народъ можетъ быть приведенъ въ напряженіе всѣхъ его нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, въ состояніе, которое мы называемъ *дисциплинированнымъ энтузіазмомъ*, волею его государя, независимо отъ непосредственнаго возбужденія отдѣльныхъ единицъ—личностей, составляющихъ народъ, тѣмъ или другимъ интересомъ, событіемъ или вообще возбужденіемъ». Читатель, вы видали такую картину, не правда ли? Только вмѣсто «русскій народъ»—зачѣмъ же клеветать на рабочихъ и крестьянъ?—слѣдовало бы, конечно, поставить: «русская интеллигенція».

II.

Въ своей исторіи Россія три раза была близка къ Константинополю: при Екатеринѣ II, при Николаѣ I и, въ послѣдній разъ, при Александрѣ II, въ началѣ 1878 г. Предшествующіе русскіе походы на турокъ, Петра и Миниха, не ставили еще себѣ такой высокой цѣли; промежуточная война, турецкая война Александра I, была лишь аксессуаромъ внѣшней политики этого государя: Александръ I искалъ Царьграда, но искалъ его въ Эрфуртѣ, въ рукахъ Наполеона; его политика всегда и неизмѣнно была ориентирована на западъ, а не на югъ. Всѣ три устремленія къ Царьграду тѣсно связаны не только съ международной обстановкой своего времени, но, пожалуй, еще тѣснѣе и болѣе съ внутреннимъ состояніемъ Россіи въ данный моментъ. Всѣ знаютъ о «попыткахъ реформъ» или о «либеральныхъ настроеніяхъ» Екатерины II въ годы, предшествовавшіе первой турецкой

войнѣ; о «Комиссіи для сочиненія новаго уложенія», о «Наказѣ» Екатерины этой комиссіи и т. д. Для объясненія всего этого классическая русская историографія ковольтствовала самымъ простымъ изъ субъективныхъ объясненій: Екатерина начиталась французскихъ книжекъ, она была неопытна, не знала жизни, она думала распланировать по книжкамъ свою политику—и разочаровалась въ этомъ; жизнь сдѣлала ее изъ мечтательницы дѣльцомъ, и первая турецкая война была началомъ ея «дѣловой» политики. Но Екатерина воспитывалась не въ институтѣ, а при дворѣ Елизаветы Петровны, въ обстановкѣ до того реальной, что о всѣхъ подробностяхъ этой обстановки даже и теперь¹⁾ писать нельзя. Кто читалъ «записки Екатерины», тотъ, вѣрно, согласится, что пятнадцатилѣтней дѣвочкой она была куда хитрѣе и житейски-опытнѣе своихъ позднѣйшихъ историковъ. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, давно пора покончить съ иллюзіей, будто Екатерина была полной хозяйкой своихъ политическихъ шаговъ. Ее посадилъ на престолъ кружокъ Орловыхъ. Какъ она относилась къ главѣ этого кружка, покажетъ одно письмо, очень позднее и тѣмъ болѣе любопытное. Когда Григорій Орловъ, въ 1772 г., ѣхалъ на Фокшанскій конгрессъ, Екатерина писала о немъ одной своей пріятельницѣ: «Гр. Орловъ, безъ преувеличенія, самый красивый человекъ своего времени... я готова биться объ закладъ, что онъ наружностью своею уничтожаетъ всѣхъ окружающихъ. Это удивительный человекъ: природа была къ нему необыкновенно щедра относительно наружности, ума, сердца, души. Во всемъ этомъ у него нѣтъ ничего пріобрѣтеннаго, все природное, и, что очень важно, все хорошо...» Эти восторженные строки (которые мы не приводимъ всѣ цѣликомъ,—дальше тамъ еще есть комплименты уму и способностямъ Орлова) писались послѣ того, какъ авторъ письма прожилъ съ Орловымъ двѣнадцать лѣтъ: срокъ, послѣ котораго супруги относятся другъ къ другу, обыкновенно, весьма трезво. Можно себѣ представить, чѣмъ былъ Орловъ для Екатерины въ первые годы ихъ близости. Въ эти первые годы политика Екатерины была столько же, если еще не больше, политикой и Орлова: въ особенности внѣшняя политика. А Орловъ еще въ 1763 г., раньше всякихъ «разочарованій», посылалъ въ Грецію двухъ русскихъ офицеровъ греческаго происхожденія, которые доносили пославшему, «что если у Россіи съ турками будетъ война, то они всѣ (греки) единодушно встанутъ противъ Порты...» «По моему усердію», писалъ одинъ изъ нихъ, «смѣю представить о томъ, чтобы отправить въ Средиземное море противъ турокъ 10 русскіихъ военныхъ кораблей и на нихъ нагрузить пушекъ довольное число; завидѣвши ихъ, греки бросались бы на соединеніе съ русскими; у грековъ есть свои немалыя суда, но ихъ надобно снабдить пушками, сами же греки—народъ смѣлый и храбрый». Это—готовый планъ морейской экспедиціи Алексѣя Орлова, 1769—70 гг.

Если политика, внѣшняя и внутренняя, первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II опредѣлялась чѣмъ-нибудь субъективными настроеніями, то это были, конечно, не настроенія самой Екатерины, или даже Григорія Орлова—это были настроенія той силы, отъ которой зависѣли и Екатерина, и Орловы,—русскаго дворянства. А субъективность этого общественнаго класса, какъ и всякаго другого общественнаго класса, вездѣ и всегда опредѣлялась, въ свою очередь, объективными экономическими условіями. Въ 1760-хъ годахъ русское помѣщичье хозяйство переживало тяжелый кризисъ. Ему было тѣсно въ

¹⁾ Написано въ 1916 г.

тѣхъ границахъ, въ какія поставила его русская исторія предшествующаго столѣтїя. «По причинѣ великаго числа народа, населяющаго сію губернію (московскую петровскаго дѣленія, — которая включала въ себя будущія екатерининскія губерніи: калужскую, тульскую, владимірскую, ярославскую и костромскую, кромѣ самой московской — т.-е. охватывала собою почти всю Центральную Россію), многія деревни такъ безземельны остаются, что ни съ какимъ прилежаніемъ не могутъ себѣ на пропитаніе хлѣба достать и для того принуждены другими работами оный сыскивать», писалъ кн. Щербатовъ немного позже этой эпохи и основываясь на данныхъ, ей современныхъ¹⁾. Въ началѣ второй половины 18-го вѣка въ Россіи, центральной, по крайней мѣрѣ (т.-е. коренной помѣщичьей Россіи, потому что въ Сѣверной Россіи крѣпостного права почти не было, а въ Поволожѣ еще не закончилась колонизація), наблюдалось уже *перенаселеніе*. Не абсолютное, конечно, а весьма *относительное*, что Щербатовъ тутъ же и даетъ понять. Сказавъ, что въ Центральной Россіи «никакое прилежаніе» не можетъ дать достаточнаго для населенія количества хлѣба, онъ, очевидно, подразумеваетъ «при данномъ уровнѣ хозяйства», потому что выше, говоря даже о сѣверной, «не столько плодородной», части этого пространства, онъ замѣчаетъ: «хотя есть ли бы всевозможное прилежаніе и въ сихъ провинціяхъ употреблено было о земледѣліи, то и тутъ не только довольное, но и излишнее пропитаніе могла бы земля дать, яко то видимъ по примѣру добрыхъ домостроителей Ярославскаго, Галицкаго и Костромскаго уѣздовъ, гдѣ иногда рожь въ восмеро (т.-е. самъ 8), а ячмень въ десятеро и въ двѣнадцатеро приходитъ». Такимъ образомъ, выходомъ изъ тупика являлась, прежде всего, *интенсификація хозяйства*. Но большинство тогдашнихъ помѣщиковъ предпочитало другой выходъ, какъ свидѣтельствуешь показаніе другого знатока сельскаго хозяйства того времени, Болотова (автора знаменитыхъ мемуаровъ). Сообщая Вольному Экономическому обществу о положеніи дѣлъ въ Каширскомъ уѣздѣ, Калужской губ., Болотовъ писалъ: «сколько я примѣтить могъ, то во многихъ мѣстахъ здѣшняго уѣзда болѣе способныхъ работниковъ, нежели земли, къ дѣланію способной. Почему многіе помѣщики отъ времени до времени вывозятъ крестьянъ своихъ въ Воронежскую и Бѣлгородскую губернію и селятъ *въ степныхъ уѣздахъ*». Кромѣ интенсификаціи хозяйства былъ, значить, и болѣе простой способъ бороться съ относительнымъ перенаселеніемъ: путемъ простого *расширенія площади хозяйства*. При этомъ *типъ хозяйства*, разумѣется, оставался бы старый. Первый способъ являлся, такимъ образомъ, прогрессивнымъ, съ экономической точки зрѣнія, второй — консервативнымъ.

Но проблема была сложнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. На кризисъ, созданный постепенно ростомъ населенія, кризисъ, такъ сказать, «нормальный», легъ другой кризисъ — болѣе экстренный и болѣе острый, созданный Семилѣтней войной. Здѣсь нѣтъ мѣста останавливаться на этомъ эпизодѣ русской внѣшней политики, а стоило бы: Семилѣтняя война показываетъ, что въ исторіи повторяются не только эволюціонные ряды (всякая новая страна, вступая на путь капиталистическаго развитія, повторяетъ, въ общихъ чертахъ, исторію своихъ предшественницъ), — но что исторіи иногда приходится

1) «Статистика въ разсужденіи Россіи», откуда я заимствую эту и слѣдующую цитаты, написана въ серединѣ 1770-хъ гг. Что данныя относятся къ предшествующему времени, показываетъ петровское раздѣленіе губерній: въ 1775 г. было уже екатерининское.

капризъ повторятся феноменологически, съ чисто внѣшней стороны. Иная статья «Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостей», 1757 года, съ разсужденіями о «сущихъ варварахъ», именуемыхъ пруссаками, отлично могла бы подойти современной патріотической газетѣ — если бы не устарѣлый языкъ, а исторія нарушенія Фридрихомъ II нейтралитета Саксоніи точка въ точку напоминаетъ, и въ оправданіяхъ, и въ обвиненіяхъ, нарушеніе бельгійскаго нейтралитета въ іюль 1914 г. Но сейчасъ для насъ интересны не обстоятельства возникновенія этой войны, а ея финансово-экономическіе результаты. Эти результаты, въ двухъ словахъ, хорошо охарактеризовалъ извѣстный «тайный секретарь» Петра III, Волковъ: «если бы паче чаянія и ожиданія надлежало войну еще нѣсколько лѣтъ продолжать, то въ государствѣ серебрянаго рубля не осталось бы». Можно сказать, что и такъ рублей оставалось немного: въ 1760 г. жалованье арміи платили мѣдной монетой, да и то въ половинномъ размѣрѣ — при чемъ и для этого пришлось расплавить нѣсколько старыхъ пушекъ. Помѣщики-офицеры, на долгіе годы оторванные отъ своихъ хозяйствъ и въ то же время пріобрѣтшіе въ заграничныхъ походахъ новые вкусы и потребности, были въ долгу, какъ въ шелку. Имъ нужны были деньги и для уплаты долговъ и процентовъ по нимъ, и на новую жизнь, болѣе «европейскую», — то-есть, менѣе удовлетворяющуюся домодѣльнымъ и домотканымъ. Откуда достать денегъ? Отвѣтъ на это давалъ тотъ же Волковъ: «Хлѣбный здѣшнему государству торгъ натуральнѣе всѣхъ», говорилъ онъ въ той же, цитированной нами, запискѣ 1760 г. «Хлѣбный торгъ производитъ Рига и великую полякамъ прибыль дѣлаетъ: то, мнѣ кажется, стыдно столь изобильной Россіи въ семъ торгу ничего не участвовать и весь свой хлѣбъ на одномъ винѣ пропивать». Вольное Экономическое общество сразу стало на ту же точку зрѣнія. «Большая часть полученныхъ европейскихъ земель пшеницею питаются», писалъ секретарь общества, Клингштетъ, въ первомъ же томѣ его «Трудовъ»: «понеже многія изъ сихъ государствъ гораздо меньше у себя имѣютъ хлѣба, нежели къ содержанію ихъ жителей потребно, то цѣна пшеницы выше прочихъ родовъ хлѣба, и сей продуктъ долженъ быть сочтенъ продажнымъ во всякое время товаромъ». И отдѣльный дворянинъ, и дворянское государство искали денегъ, и оба находили: второе — выгодный торговый балансъ, первый — обеспеченный денежный доходъ въ торговлѣ продуктами сельскаго хозяйства (кромѣ хлѣба, за границу шли ленъ, конопля и пенька, которые составляли очень видную статью русской отпускнуой торговли 1760-хъ гг., — въ 1769 г., напр., льна и пеньки было вывезено почти на 50 милліоновъ теперешнихъ, 1916 года, рублей).

Второй кризисъ обострялъ первый, — а найденный выходъ, казалось, разрѣшалъ ихъ оба. Западно-европейскій рынокъ могъ поглотить сколько-угодно хлѣба, — не уставай только пахать, сѣять и жать. Избыточное населеніе изъ проклятія становилось благословеніемъ. Но тутъ вопросъ опять раздваивался: какъ утилизировать силы этихъ «лишнихъ людей»? Мы видѣли, что земля въ Центральной Россіи обрабатывалась далеко не такъ интенсивно, какъ могла бы: нельзя ли сдѣлать трудъ подмосковнаго крестьянина производительнѣе, и какъ? Съ другой стороны, необозримая площадь степного чернозема почти не видала еще работника; не проще ли передвинуть избытокъ сельскаго населенія туда, какъ это и дѣлали уже калужскіе помѣщики, по свидѣтельству Болотова? Выбирать тотъ или другой способъ приходилось не путемъ теоретическаго размышленія, — и тамъ, и тутъ помѣщикъ скоро наталкался на препятствія, которыхъ онъ не могъ преодолѣть средствами

частнаго хозяйства. Поперекъ дороги попыткамъ сдѣлать это хозяйство болѣе интенсивнымъ лежало *крѣпостное право*: барщинный трудъ былъ мало производителенъ, что отлично сознавалось тогдашними хозяевами-практиками. Одинъ изъ этихъ практиковъ, Рычковъ, такъ изображалъ «пакости» лѣниваго и лукаваго раба, пахавшаго барскую землю: «когда пашутъ, то стараются сдѣлать недопашку и завалить ее пластомъ или рыхлою землею, когда сѣютъ, то зерно мечутъ непорядочно и дѣлаютъ обѣски, на которыхъ мѣстахъ хлѣба уже не родится и бываютъ прогалины. Во время полотья и жнитва очень много втаптываютъ въ землю хлѣба такъ, что плутовства ихъ распознать невозможно». Но и переселеніе въ степи не разрѣшило затрудненія, въ особенности съ точки зрѣнія новой постановки вопроса—производства хлѣба для *вывоза*. Корреспондентъ Вольнаго Экономическаго общества въ Слободской Украинской провинціи (нынѣшняя Харьковская губернія) писалъ, что въ его краяхъ «земледѣльцы не прилежатъ къ размноженію пшеницы, равно какъ и прочаго хлѣба»: сѣять «столько, сколько кому, по его семейству, на пропитаніе до новой жатвы стать можетъ». Причиной же было то, что «они не имѣютъ способа, куда оный (хлѣбъ) съ прибылью отпустить, потому что въ близости сихъ странъ никакого порта нѣтъ». Сѣверный берегъ Чернаго моря принадлежалъ Турціи.

Первое затрудненіе можно было преодолѣть *освобожденіемъ крестьянъ*. Второе—завоеваніемъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, т. е. *войной съ Турціей*. Въ силу совершенно объективныхъ, неотвратимыхъ условий, война съ турками составляла неизбѣжный этапъ второго способа выйти изъ кризиса,—способа, который мы выше назвали консервативнымъ. Мы видѣли, что правительство, въ лицѣ Григорія Орлова, уже въ 1763 г. имѣло въ перспективѣ турецкую войну и готовилось къ ней. Но справедливость требуетъ упомянуть, что былъ испробованъ и первый путь,—и только, когда выяснились *политическія* неудобства и опасности этого пути для правительства, онъ былъ оставленъ. Съ этою цѣлью—найти прогрессивный выходъ изъ кризиса было основано Вольное Экономическое общество, первымъ президентомъ котораго былъ именно Гр. Орловъ. Не безъ его, по всей вѣроятности, участіемъ обществомъ, скоро послѣ его основанія, была поставлена на конкурсъ тема объ освобожденіи крестьянъ, съ землею или безъ земли¹⁾. Увѣнчано преміей было сочиненіе Беарде-Делабэ, гдѣ говорилось, что Богъ далъ человѣку право на ту землю, которую онъ обрабатываетъ, и что «собственность не можетъ быть безъ вольности». Практически Беарде-Делабэ имѣлъ въ виду, кажется, что-то очень похожее на дѣйствительно осуществившееся въ реформѣ 1861 г.: осво-

1) «Что полезнѣе для общества,—чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или толко движимое имѣніе, и сколь далеко его право на то или другое имѣніе простирается должно?» Хотя слово «освобожденіе» или «свобода» въ темѣ не стоитъ, но все дворянское общество сразу поняло, что дѣло идетъ объ освобожденіи крестьянъ,—доказательствомъ является извѣстное «возраженіе» Сумарокова, гдѣ онъ ставитъ вопросъ открыто: «потребна ли ради общаго благоденствія крѣпостнымъ людямъ свобода?» Исторія возникновенія темы окутана легендой, отдающей почетное мѣсто Екатеринѣ II (см. В. И. Семевскій «Крестьянскій вопросъ», I, стр. 46). Легенда, какъ всѣ легенды, отмѣчена бросающеюся въ глаза неправдоподобностью. Вольн. Экон. Общество (т. е. Григ. Орловъ!) будто бы долго не могло догадаться, что письмо идетъ отъ императрицы,—которая, надобно думать, прежде всего показала его именно Орлову. Медленный ходъ дѣла (двѣ попытки, изъ нихъ первая неудачная) объясняется, скорѣе всего, тѣмъ, что Орловъ уже въ обществѣ встрѣтилъ тренія, какъ ни тщательно былъ подобранъ составъ общества. Это было плохое предзнаменованіе для дальнѣйшаго.

боженіе крестьянъ съ маленькимъ надѣломъ, что вынудило бы освободенныхъ арендовать помѣщичьи земли; подразумевалось само собою, что трудъ вольныхъ арендаторовъ дастъ ренту гораздо выше той, которая получалась отъ барщины или оброка крѣпостныхъ крестьянъ. Если вспомнить, что все это писалось почти ровно за сто лѣтъ до 19 февраля, мы должны будемъ согласиться, что намѣреніе Екатерины и Орлова были весьма прогрессивныя. Въ объективной осуществимости реформы не могло быть сомнѣнія, самостоятельное крестьянское хозяйство было фактомъ на государственныхъ земляхъ, — и государственные крестьяне сплошь и рядомъ были сосѣдями крѣпостныхъ; никакой организаціонной или технической ломки для осуществленія проекта Вольнаго Экономическаго общества не требовалось. Но его нельзя было осуществить безъ согласія помѣщиковъ. Надо было, чтобы они нашли реформу не только осуществимой, но и для себя выгодной. Въ 1861 г. такъ именно и обстояло дѣло: реформа была необходима дворянству, и всѣ разговоры о томъ, будто помѣщики что-то «потеряли» съ освобожденіемъ крестьянъ, слѣдуетъ признать ни на чемъ не основанными; потеряли 19 февраля одни крестьяне. Потому что въ 1861 г. площадь крѣпостного хозяйства расширять было уже некуда, — оно достигло своихъ «естественныхъ» географическихъ границъ, Кавказа и Чернаго моря. Въ 1760-хъ годахъ было не такъ, было еще куда уйти, и для помѣщика представлялось выгоднѣе переселить своихъ крѣпостныхъ въ степи, нежели вовсе съ ними разстаться. Въ «Комиссіи 1767 г.» не нашлось ни одного сторонника того радикальнаго мѣропріятія, которое совѣтовалъ Беарде-Делабэ. Даже въ наказѣ самого Григорія Орлова (онъ былъ однимъ изъ депутатовъ) ничего не говорилось объ освобожденіи крестьянъ. Крайняя лѣвая «Комиссія» (Коробьинъ и Татищевъ) не шла дальше урегулированія закономъ крестьянскихъ повинностей. А когда Татищевъ въ преніяхъ позволилъ себѣ сказать, что освобожденія крестьянъ желаетъ сама императрица (фактъ былъ широко извѣстенъ), то маршалъ (предсѣдатель) Комиссіи, Бибииковъ, крестурка Екатерины II, сурово его оборвалъ. Нечего было вспоминать о проектѣ, явно провалившемся — такими напоминаніями можно было только обидѣть инициаторовъ проекта, а не польстить имъ.

Въ это время Екатерина и Орловъ могли уже охладѣть къ своимъ прогрессивнымъ начинаніямъ и по другимъ причинамъ. Всякая экономическая, всякая социальная реформа неизбежно имѣетъ свое политическое отраженіе. Общество съ крѣпостнымъ правомъ, общество безъ крѣпостного права не могутъ быть политически организованы одинаково. Екатерина II и ея совѣтники, быть-можетъ, не вполне отчетливо, но сознавали это. «Большой Наказъ» Комиссіи былъ попыткой европеизировать русскій государственный строй. Но это была европеизація чисто формальная. Превративъ выборы изъ Монтескье въ проектъ русскаго уложенія, Екатерина думала, что разрѣшила задачу. Примѣнять Монтескье на практикѣ должна была она и ея чиновники: дѣлиться съ кѣмъ-нибудь властью она совсѣмъ не предполагала. Дворянство было не прочь отъ Монтескье, — но оно находило, что, по Монтескье, именно оно, дворянство, и должно управлять. Великорусское дворянство, правда, не посягало болѣе, чѣмъ на мѣстное управленіе, — которое и пришлось отдать въ его руки; здѣсь еще можно было размежеваться. Но на Украинѣ и вопросъ о мѣстномъ управленіи былъ вопросомъ политическимъ: здѣсь это былъ вопросъ объ автономіи. Этотъ вопросъ всталъ во весь ростъ, какъ только малороссійское шляхетство приступило къ выборамъ депутатовъ въ Комиссію. «Многіе

истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей», писалъ Екатеринъ Румянцевъ. «Простому народу, ~~подвину~~ его простотою, внушаютъ и всегда въ голову кладутъ, что о вольности и о правахъ, какъ о первоначальномъ, всѣмъ искать надлежитъ». Шляхетство напоминало далекой наслѣдницѣ царя Алексѣя о «статяхъ» Богдана Хмельницкаго и требовало вывода императорскихъ войскъ изъ Малороссіи. Румянцевъ въ одномъ донесеніи образъ мыслей украинскаго шляхетства называлъ «республиканскимъ», — и онъ не такъ уже пересаживалъ. Шляхетство Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ подало челобитную, гдѣ просило: «Повелѣть вольными голосами, купно съ войскомъ Запорожскимъ, избрать гетмана».

Но украинское дворянство болѣе, чѣмъ какое бы то ни было, было заинтересовано въ открытіи для русской торговли Чернаго моря. Гетмана оно не получило, а главное гнѣздо украинскаго «республиканизма», Запорожская Сѣчь, было и вовсе разорено. Но оно получило Херсонъ, — и это вовсе не былъ случайный подарокъ. Когда, въ сентябрѣ 1768 г., Турція, подъ давленіемъ французской дипломатіи, поставила Россіи ультиматумъ о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши (борьбу за свободу и цивилизацію временами вели и турки...), въ Петербургѣ въ засѣданіи Императорскаго совѣта Григ. Орловъ поставилъ вопросъ: «Къ какому концу вести войну и, въ случаѣ нашихъ авантажей, какія выгоды за полезнѣе положить?» Совѣтъ единогласно призналъ, что «при заключеніи мира надобно выговорить свободу мореплаванія на Черномъ морѣ и для этого, еще во время войны, стараться объ учрежденіи порта и крѣпости...». Одновременно Орловъ предложилъ послать эскадру въ Средиземное море, т.-е. осуществить проектъ, лежавшій на его письменномъ столѣ уже съ 1763 года. Позднѣе Орловъ предлагалъ еще болѣе прямые пути къ цѣли: овладѣвъ Варною, «моремъ переѣхать къ самому Константинополю, чтобъ получить скорый и славный миръ». Но этотъ планъ нашли преждевременнымъ не только командовавшіе противъ турокъ генералы, Румянцовъ и П. Панинъ, а даже и члены Совѣта, засѣдавшего въ Петербургѣ. Надо прибавить, «что этотъ Совѣтъ, хотя и не былъ выборнымъ, считался, — по крайней мѣрѣ, самъ себя считалъ, — представителемъ русскаго дворянства: когда въ немъ была прочитана жалованная грамота Екатерины II дворянству, Совѣтъ «изъявилъ ея императорскому величеству глубочайшую благодарность, какъ отъ себя, такъ и отъ лица вообще дворянства».

Мы не собираемся рассказывать о перипетіяхъ турецкихъ войнъ Екатерины II, ни касаться ихъ официальной идеологіи¹⁾. Но необходимо коснуться, хотя бы вкратцѣ, ихъ экономическихъ результатовъ. Русскій вывозъ черезъ черноморскіе порты составлялъ:

1) Тотъ же Совѣтъ, о которомъ говорилось выше, въ текстѣ, положилъ: «отправить въ Морею, къ Далматіи, въ Грузію и ко всѣмъ народамъ нашего закона, живущимъ въ турецкихъ областяхъ, для разглашенія, что Россія принуждена вести войну съ турками за законъ». Главнокомандующій морейской экспедиціей, Алексѣй Орловъ, распространялъ манифесты Екатерины II «ко всѣмъ греческимъ и славянскимъ народамъ православнаго исповѣданія, какъ на твердой землѣ, такъ и на островахъ Архипелага обитающимъ», гдѣ обещалось возстановленіе политической независимости этихъ народовъ. Часто повторяя что-нибудь, мы незамѣтно сами начинаемъ этому вѣрить. Алексѣй Орловъ писалъ брату: «И если ѣхать, такъ ужъ ѣхать до Константинополя и освободить всѣхъ православныхъ и благочестивыхъ изъ-подъ ига тяжкаго, которое они терпятъ. И скажу такъ, какъ въ грамотѣ Петръ Первый сказалъ: а ихъ, невѣрныхъ магометанъ, согнать въ поле и степи пустыя и песчаныя, на прежнія ихъ жилища».

въ 1764 г. (до первой турек. войны).	59.097 руб.
» 1776 » (послѣ первой войны)	369.823 »
» 1793 » (послѣ второй тур. в.)	1.295.563 »

Въ теченіе только шести первыхъ мѣсяцевъ 1787 года изъ Марсели въ Херсонъ вышло 18 кораблей. Они везли французскіе мануфактурные товары, а возвращались, главнымъ образомъ, съ пенькою и пшеницей: но не съ одними ими: «со времени мира 1774 г. (Кучукъ-Кайнарджійскаго) Константинополь получаетъ черезъ Таганрогъ все потребляемое имъ *жельзо*», говоритъ одинъ современный французскій авторъ¹⁾. Въ этомъ году общее число судовъ, участвовавшихъ въ черноморской торговлѣ, считалось уже сотнями, въ 1803 г. оно дошло почти до тысячи, въ 1817 почти до полуторы тысячи (1044 вошло въ Одессу, около 400 въ Таганрогъ). Въ 1815 г. вывозъ пшеницы черезъ порты Чернаго моря превысилъ миллионъ четвертей (1.112.000). Цѣны на пшеницу въ Западной Европѣ росли непрерывно до начала 1820 годовъ (въ 1701—99 гг. средняя цѣна квартера пшеницы въ Лондонѣ была 41 шиллингъ, въ 1801—1810—74 шиллинга, въ 1811—20—87,5 шилл.). Въ тактъ съ ними неуклонно росли хлѣбныя цѣны въ самой Россіи: въ Гжатскѣ въ 1773 г. можно было купить четверть ржи за 2 р. 19 коп.,—всего черезъ пятнадцать лѣтъ, въ 1788 г., та же четверть тамъ же стоила уже 7 рублей.

Помѣщикъ имѣлъ весь расчетъ превратить свое имѣніе въ «фабрику для производства хлѣба», какъ выразился потомъ одинъ публицистъ временъ императора Николая I. Объ освобожденіи крестьянъ, конечно, не было больше и рѣчи: пшеничныя плантаціи черноземныхъ губерній создали, наоборотъ, такой спросъ на бѣлыхъ рабовъ, что продажа крестьянъ безъ земли, «злоупотребленіе», участь котораго казалась рѣшенной уже въ Комиссіи 1767 г., не была запрещена и при Александрѣ I. Завоеваніе Новороссіи крѣпостнымъ хозяйствомъ имѣло для этого хозяйства тѣ же послѣдствія, какія имѣло бы открытіе западныхъ штатовъ для рабовладѣнія въ Америкѣ,—если бы междоусобная война 1861—65 гг. кончилась побѣдой Юга, а не Сѣвера. Естественнымъ послѣдствіемъ турецкихъ войнъ было не уничтоженіе или хотя бы стѣсненіе крѣпостного права, а его расширеніе, его экспансія на области, прежде для него закрытыя. Въ 1783 г. стали крѣпостными украинскіе крестьяне—давно, правда, фактически не свободные, но юридически до Екатерины II не составлявшіе еще собственности тѣхъ «республиканцевъ», которые требовали избранія гетмана «вольными голосами купно съ Сѣчью Запорожской». Украинскій дворянскій автономизмъ сразу потаё, какъ только малороссійскіе помѣщики убѣдились на опытъ, какая полезная вещь «московское» войско, удаленія котораго они, по неопытности, требовали. И упраздненіе Запорожской Сѣчи прошло передъ глазами «республиканцевъ» (въ 1775 г., годъ спустя послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира) безъ всякаго протеста съ ихъ стороны. Остается прибавить, что отъ завоеванія сѣвернаго берега Чернаго моря выиграли не одни черноземные помѣщики: мы видѣли, что и уральскіе горные заводы, типичнѣйшій образецъ крѣпостной фабрики, нашли въ Константинополѣ новый рынокъ для своего товара. Всѣ челоѣковладѣльцы могли быть довольны—благіе плоды войны «за законъ» никого не обошли.

¹⁾ Anthoine. «Le commerce et la navigation de la mer Noire». Мы пользовались *вторымъ* изданіемъ, 1820 г.,—первое вышло въ 1805. Авторъ, крупный марсельскій негодіантъ и бывшій мэръ Марсели, нѣсколько разъ былъ въ Россіи, въ первый разъ еще въ 1780 годахъ.

Преемники Екатерины II свято чтили ея традиціи и тщательно охраняли плоды ея завоеваній. Александру I принадлежит заслуга окончательной организациі черноморской торговли¹⁾, и онъ не совсѣмъ случайно умеръ именно въ Таганрогѣ. Этотъ государь въ послѣдніе годы жизни съ крайнею враждой относился, какъ извѣстно, ко всякимъ проявленіямъ революціоннаго духа. Относя къ такимъ проявленіямъ греческое возстаніе, онъ не питалъ къ возставшимъ грекамъ никакой симпатіи. Иностранная, въ частности австрійская, дипломатія играла на этой стрункѣ и обыкновенно съ удачей. Но когда турки стали останавливать въ проливахъ русскія торговыя суда (экипажъ которыхъ почти поголовно состоялъ изъ грековъ), ища на нихъ военной контрабанды, настроеніе Александра I рѣзко измѣнилось, и австрійскій посланникъ въ Петербургѣ доносилъ, что поѣздка императора на югъ (Александръ ѣхалъ смотрѣть войска) можетъ оказаться прелюдией къ русско-турецкой войнѣ «по причинѣ малой успѣшности переговоровъ въ Константинополѣ (относительно задержки судовъ) и *тѣхъ потерь, которыя терпятъ отъ этого южныя губерніи и торговля Одессы*»²⁾. Александръ I не успѣлъ начать войны съ турками. Занявшій его мѣсто Николай Павловичъ былъ расположенъ къ грекамъ, если это возможно, еще менѣе своего покойнаго брата. Но когда ему посовѣтовали не вступаться въ турко-греческую распрю, предоставивъ съ ней возиться англичанамъ и австрійцамъ, Николай твердо отвѣтилъ, что «возстановленіе свободы торговли въ этихъ краяхъ—дѣло слишкомъ важное для всего нашего юга, чтобы можно было его довѣрить заботамъ англичанъ, или хотя бы друга Меттерниха» (письмо къ Константину Павловичу отъ 20 ноября 1827 г.). Его корреспондентъ пускалъ въ ходъ самыя страшныя слова, говорилъ даже о «республикѣ», появленію каковой, будто бы, способствуетъ восточная политика Николая,—на того ничто не дѣйствовало, разъ были затронуты интересы «свободной торговли» въ проливахъ. И онъ успокоился не прежде, чѣмъ адрианопольскій миръ, результаты котораго мы знаемъ, обезпечилъ эту свободу торговли разъ навсегда.

Но екатерининскія традиціи были не единственнымъ двигателемъ политики Николая I, и адрианопольскій трактатъ открылъ пути не только русской пшеницѣ. Другая сторона его восточной политики такъ хорошо охарактеризована самими дѣятелями николаевского царствованія, что я позволю себѣ привести ихъ подлинныя слова. Пожаловавшись на инертность русскаго купечества, «не обратившаго торговыхъ видовъ своихъ на Персію и Азіатскую Турцію въ томъ пространствѣ, какого требовала бы собственная наша польза», государственный Совѣтъ Николая Павловича продолжалъ разсуждать такъ: «отъ первоначальной мысли Петра В., обнаруженной покореніемъ Азова и Дербента, и отъ основанія Одессы до послѣднихъ столь важныхъ и обширныхъ приобрѣтеній нашихъ за Кавказомъ, и столь выгодныхъ для насъ условій Туркманчайскаго и Адрианопольскаго трактатовъ, ясно видно мудрое намѣреніе нашихъ государей, наивяще еще раскрытое въ предшедшемъ и настоящемъ царствованіи, когда, *пролагая оружіемъ новые пути для торговли нашей на Востокъ*, въ то же время наше правительство постановляло внутреннія мѣры, дабы упрочить самобытность коммерческаго нашего сословія, возбудить въ немъ духъ предприимчивости и торговаго честолюбія и утвердить независимость внѣшней торговли

¹⁾ См. Anthoine, въ разн. мѣстахъ.

²⁾ Донесеніе Лебцельтерна Меттерниху отъ 13/1. іюня 1823.

нашей отъ иностранцевъ»¹⁾. Николаевское правительство не только вело «буржуазную» политику,—какъ пишущему эти строки уже неоднократно приходилось указывать,—но оно вело ее совершенно *сознательно*. Это не были случайныя мѣры, принимаемыя время отъ времени подъ давленіемъ обстоятельствъ—это была *система*. И каждый отдѣльный фактъ освѣщался съ точки зрѣнія этой системы. Разсуждая о закрытіи закавказскаго транзита, государственный совѣтъ находилъ «въ общемъ видѣ настоящаго дѣла, что вся сущность его состоитъ въ *открытомъ состояніи европейской промышленности съ нашею собственною*» (журналъ 4 февр. 1832). Состязаніе это, поскольку рѣчь шла объ азіатскихъ рынкахъ, казалось государственному совѣту дѣломъ нетруднымъ. «Нѣтъ сомнѣнія,—думалъ совѣтъ,—что при настоящемъ усовершенствованіи фабрикъ и мануфактуръ издѣлія наши могутъ начинать соперничество съ иностранными, приготовляемыми собственно для азіатскаго торга, какъ въ добротѣ, такъ и въ цѣнѣ, имѣя въ послѣднемъ случаѣ на сторонѣ своей дешевизну собственныхъ нашихъ матеріаловъ, рабочихъ рукъ и самаго провоза» (журн. 11 мая 1836 г.).

Во всемъ этомъ государственный совѣтъ *фактически* ошибался. Рабочія руки въ Россіи, благодаря крѣпостному праву, искусственно привязывавшему эти руки если не къ землѣ, то къ землевладѣльцу, были дороже, чѣмъ въ Западной Европѣ: *реальная* заработная плата въ 1830 годахъ въ Москвѣ была выше, чѣмъ въ Германіи, и не ниже, чѣмъ въ Англіи²⁾. О «дешевизнѣ матеріала» не могло быть рѣчи, когда у Россіи не было ни собственнаго хлопка, ни собственныхъ красокъ. Что же касается качества товаровъ, то вкусы «азіатцевъ» не были такъ скромны, какъ думали въ Петербургѣ. Уничтоживъ закавказскій транзитъ, наводнявшій русское Закавказье иностранными товарами съ лейпцигской ярмарки, думали, по крайней мѣрѣ, здѣсь пріобрѣсти прочный рынокъ для отечественныхъ мануфактуръ: а въ дальнѣйшемъ льстили себя надеждою еще расширить этотъ рынокъ, заставивъ покупать наши товары и Персію, раньше получавшую заграничную мануфактуру черезъ русское Редутъ-Кале. Ни та, ни другая надежды не сбылись. Отвѣчая министерству финансовъ на вопросъ о причинахъ слабаго сбыта русскихъ товаровъ въ Закавказьѣ, кавказскій главнокомандующій бар. Розенъ писалъ: «Закавказскіе промышленники... говорятъ единогласно, что Россійскіе товары всякаго сорта цѣнятся гораздо выше на мѣстѣ произведенія, нежели можно выручить за нихъ въ Азіи; затѣмъ расходы, перевозка и проценты потеряннаго на операцію времени возвышаютъ цѣну сему товару вдвое противъ его качества; срдніе же и низкіе сорта Россійскихъ товаровъ въ Персію вообще почти не имѣютъ сбыта. Если же и есть требованіе на оныя въ Закавказскомъ краѣ, то въ небольшомъ количествѣ, чему причиною легкость и непрочность матеріаловъ, слабый составъ красокъ и несоотвѣтственный азіатскому вкусу выборъ рисунковъ и узоровъ; тогда какъ германскія, французскія и англійскія мануфактурныя произведенія, сохранивъ возможную доброту матеріала, нарочито преимуществуютъ яркостью и прочностью красокъ и особо выборомъ рисунковъ, удовлетворяющихъ вкусу азіатцевъ, согласуясь съ ихъ обычаями и роскошью».

¹⁾ Журналъ Государств. Совѣта 11 мая 1836 г. Акты Кавказск. Археограф. Ком-іи, VIII, стр. 175.

²⁾ См. «мнѣніе» одесскаго ген.-губернатора гр. Воронцова (Акты Кавк. Археограф. Ком-іи VIII, 148—149). Ср. *Туланъ-Барановскаго*, «Русская фабрика», стр. 205, 2-го изданія.

за всѣми описанными добрыми качествами сихъ товаровъ, цѣны на нихъ болѣе низки, нежели умѣренны, и болѣе прибыточны для сбыта» ¹⁾. Въ то же время, оставивъ Редутъ-Кале, иностранные товары пробили себѣ новую дорогу въ Персію черезъ турецкія владѣнія, на Требизондъ и Эрзерумъ, — дорогу, сохранившую свое значеніе до нашихъ дней. Передъ русской политикой всталъ новый вопросъ о завладѣніи требизондской торговлей. Но шаги въ этомъ напрязненіи только обострили русско-англійскій конфликтъ (приведшій впоследствіи къ Севастополю), положительныхъ же результатовъ не дали.

«Прологать оружіемъ» новые пути для недоразвившейся русской промышленности было тяжелой барщиной. Чтобы понять, зачѣмъ николаевское правительство взвалило ее на себя, намъ нужно отступить немного назадъ. Короткій франко-русскій союзъ, при Александрѣ I (1807 — 1812, фактически онъ оборвался уже въ концѣ 1810) имѣлъ огромное значеніе въ исторіи русской обрабатывающей промышленности. Какъ союзница Наполеона I, Россія должна была примкнуть къ *континентальной блокадѣ*, которую современному читателю чрезвычайно легко себѣ представить, стоитъ только на мѣсто Германіи 1916 года поставить Англію 1806. Какъ и теперь, тогда это была попытка неэкономическими средствами добиться экономическихъ результатовъ: для Франціи тогда попытка была неудачна. Россія до континентальной блокады почти всю свою мануфактуру получала изъ Англіи. Запрещеніе торговли съ Англіей оказалось манной небесной для отечественной промышленности: фабрики стали расти, какъ грибы, ввозъ хлопка въ Россію увеличился за два года въ 18 разъ; впервые въ Россіи появились собственныя механическія прядильни — раньше пряжа была англійская. «Не только многіе богатые коммерсанты и дворяне, но и разнаго состоянія люди приступили къ устройству фабрикъ и заводовъ разнаго рода, не щадя капиталовъ и даже входя въ долги», говоритъ одна современная записка о второмъ десятилѣтіи XIX вѣка. Толчокъ, данный континентальной блокадой, продолжалъ оказывать влияние на русскую промышленность и долго послѣ разрыва съ Наполеономъ: блокады не было, но запретительные таможенные тарифы остались — попытка вернуться къ полусвободной торговлѣ (тарифъ 1819 года) продержалась всего три года. Въ 1812 г. въ Россіи считалось 2325 фабрикъ, въ 1816 — 3733, въ 1820 — 4558, въ 1824 — 5286. Этотъ *темпъ* развитія русской промышленности необходимо постоянно имѣть въ виду, когда мы говоримъ о проектахъ Сперанскаго и декабристовъ; первые совершенно непонятны безъ этого фона быстро растущей буржуазной Россіи — для Сперанскаго не даромъ «главнымъ предметомъ» главнаго министерства внутреннихъ дѣлъ являлась промышленность; «министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ управлять мануфактурами по ихъ уставу». Декабристы были сами дворяне, въ ихъ *психологій* много феодальнаго, — но ихъ *идеологія* была буржуазной, и освобожденіе крестьянъ составляло неотъемлемую часть ихъ плановъ. Крѣпостная Россія съ насильственно задерживаемыми въ деревнѣ натурально-хозяйственными порядками не могла представить собою рынка для столь бурно развивавшейся промышленности: уже въ концѣ 20-хъ годовъ внутренній рынокъ считался исчерпаннымъ. Россія опять, какъ 1760 гг., стояла передъ дилеммой: или переходъ къ буржуазнымъ порядкамъ или кризисъ, — но на этотъ разъ кризисъ не помѣщичьяго хозяйства, а новорожденной промышленности.

1) Отношеніе отъ 24 окт. 1835 г. (Акты К. Арх. Комм. VIII, 157 стр.).

Декабристы сочувственно относились къ положенію промышленности: нѣкоторые изъ нихъ шли такъ далеко, что раздѣляли даже тоску российскихъ предпринимателей по запретительному тарифу (исчезавшему, мы знаемъ, подъ давленіемъ дворянскихъ интересовъ на три года). Штейнгель въ письмѣ изъ крѣпости къ Николаю Павловичу называлъ Фритредерскій тарифъ 1819 г. «ошибкой» и приписывалъ ему разореніе не только купцовъ (что было отчасти правильно), но и «народа» (что было, конечно, преувеличеніемъ). Товарищи Штейнгеля, не оставляя «дворянской» точки зрѣнія—о преимуществахъ свободной торговли (т.-е. дешевыхъ заграничныхъ товаровъ для помѣщиковъ), въ этой самой свободѣ торговли видѣли средство поднять промышленность, при всемъ своемъ Фритредерствѣ соглашаясь въ то же время, что отъ конкуренціи нѣкоторыхъ иностранцевъ, напримѣръ англичанъ, русское купечество все же должно быть ограждено, и что «шаткость тарифа привела въ нищету многихъ фабрикантовъ и испугала другихъ»¹⁾. Буржуазію декабристы считали на своей сторонѣ наравнѣ съ «профессорами, литераторами и журналистами». Среди заговорщиковъ купцовъ не было (только московскій типографъ Селивановскій оказался слегка прикосновеннымъ къ дѣлу). Но есть положительные доказательства, и съ разныхъ сторонъ, что ихъ старались привлечь. Рылѣевъ показывалъ объ этомъ на слѣдствіи, прибавляя, что изъ его попытокъ ничего не вышло. Но мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, одного купца, который, если и не игралъ опредѣленной роли въ заговорѣ, во всякомъ случаѣ о немъ зналъ. Это былъ зять знаменитаго Ростовцева, Сапожниковъ. Наканунѣ 14 декабря у него былъ ужинъ; хозяинъ, угощая гостей шампанскимъ, говорилъ: «выпьемъ, неизвѣстно, будемъ ли завтра живы!» Существуетъ указаніе, что по совѣту именно Сапожникова Ростовцевъ подалъ Николаю свой доносъ на декабристовъ. Первая же русская революція отмѣчена «буржуазной пзмѣной»²⁾.

Насколько все это было серьезно? Въ случаѣ успѣха движенія мы едва ли бы увидали буржуазію только на роляхъ доносчиковъ. Наканунѣ сапожниковскаго ужина былъ обѣдъ у директора Россійско-Американской компаніи,—крупнѣйшаго торговаго предпріятія тогдашней Россіи,—и на этомъ обѣдѣ говорились самыя либеральныя рѣчи. Рылѣевъ былъ правителемъ дѣлъ компаніи,—и едва ли либеральничавшій директоръ не зналъ о радикализмѣ своего подчиненнаго. Во всякомъ случаѣ, правительство придавало этому серьезное значеніе. Показаніе Рылѣева о купцахъ было отвѣтомъ на прямой вопросъ, поставленный ему слѣдователями. Еще въ 1821 году Александру I доносили, что купцы петербургскаго гостинаго двора собираются группами, человѣкъ по восьми, съ газетами въ рукахъ и разсуждаютъ о необходимости конституціи³⁾. А по мнѣнію декабриста Штейнгеля, хорошо знавшаго купеческую среду, газеты читали и разсуждали по поводу нихъ не только купцы, но и ихъ приказчики. При свѣтѣ всѣхъ этихъ фактовъ, и еще болѣе этихъ опасеній, своеобразное освѣщеніе получаютъ заботы Николая Павловича о «свободѣ» русской торговли—и прокладываніе вооруженною рукою новыхъ путей для этой послѣдней. Благонадежность, которой такъ прославилось российское купечество девятнадцатаго вѣка, не пришла сама собой—объ этомъ нужно было похлопотать...

1) *Бороздинъ*. «Изъ писемъ и показаній декабристовъ», стр. 38.

2) См. объ этомъ «Общественныя движенія въ Россіи съ перв. полов. XIX в.», I, стр. 306, 440 и въ др. мѣстахъ.

3) *Ibid.*, 301 прим.

Мы имѣли двѣ реакціи и два устремленія къ Константинополю. Николай Павловичъ былъ къ этому городу ближе, чѣмъ кто бы то ни было изъ его предшественниковъ и его преемниковъ. Въ 1833 г. русскій флотъ стоялъ на якорѣ въ Босфорѣ, а русская армія лагеремъ на ея берегахъ—все это, правда, пришло «защитять» султана, но безъ всякаго приглашенія со стороны послѣдняго. Хункиаръ-Искелесскій договоръ этого года, казалось, осуществлялъ мечту о проливахъ: султанъ обязался не пропускать черезъ нихъ ни одного иностраннаго военнаго судна—о русскихъ не было прямо упомянуто, но для нагляднаго доказательства, что на нихъ запрещеніе не распространяется, эскадра адмирала Рикорда, плававшая въ Архипелагѣ, черезъ Босфоръ и Дарданеллы прошла въ Черное море. Правда, прошла не сразу, и не въ томъ порядкѣ, какой приличествуетъ эскадрѣ, а по одному судну съ большими промежутками,— «чтобы не раздражить англичанъ». Повидимому, официально даже отрицали, что прошла *вся* эскадра: отсюда странное противорѣчіе между дипломатическими документами и очевидцами факта. Это было плохимъ предназначеніемъ: восемь лѣтъ спустя Хункиаръ-Искелесскій договоръ смѣнился лондонскою конвенціей 1841 г., закрывавшей проливы для *всѣхъ* военныхъ кораблей, т.-е. фактически именно для русскихъ,—ибо всѣ другіе не допускались уже по трактату 1833 г. А пятнадцать лѣтъ спустя русскій черноморскій флотъ вовсе пересталъ существовать по парижскому миру 1856 г. Судьба не была къ русскому дворянству 1850 годовъ такъ же милостива, какъ къ его дѣдамъ 1760 гг.: съ крѣпостнымъ правомъ приходилось разстаться. Ибо то, что защищалъ Николай I на Дунаѣ и въ Закавказьѣ, было въ конечномъ счетѣ именно крѣпостное право. Русская промышленность отлично могла бы развиваться безъ внѣшнихъ рынковъ, но для этого ей нужно было дать внутренній, а этого нельзя было сдѣлать по тому времени, не освободивъ крестьянъ.

Себя, впрочемъ, дворянство не обидѣло и въ 1861 г. Во-первыхъ, ему все-таки продолжало везти: какъ разъ ко времени реформы стали подниматься хлѣбныя цѣны, являвшіяся главнымъ экономическимъ препятствіемъ для нея въ 1820—40 годахъ. «Работа наемными людьми въ Россіи будетъ самымъ неосновательнымъ и разорительнымъ предпріятіемъ, доколѣ цѣна хлѣба не возвысится», писалъ одинъ русскій агрономъ въ 1830 г. Въ 50-хъ годахъ это условіе было налицо: если мы примемъ цѣны 1820 гг. за 100, цѣны пятидесятихъ будутъ 174 для пшеницы и 190—для ржи. Это цѣны западно-европейскія (берлинская биржа). Но хлѣбный вывозъ былъ основой развитія русскаго аграрнаго капитализма, и европейскія цѣны быстро отражались на внутреннихъ: въ Петербургѣ четверть пшеницы за пятидесятилѣтіе 1824—38 гг. стоила 4 р. 25 к., а уже въ концѣ 40-хъ гг. поднялась до 6 рублей. Во-вторыхъ, помѣщики, какъ всѣмъ извѣстно, совершили въ 1861 г. весьма выгодную операцію, продавъ крестьянамъ ихъ надѣлы гораздо дороже, чѣмъ они стоили. Мы не будемъ касаться другихъ подробностей крестьянской реформы—все это опять-таки слишкомъ хорошо извѣстно. Буржуазное хозяйство было допущено въ русскую деревню въ минимальныхъ размѣрахъ, и реформа, какъ-никакъ являвшаяся большимъ шагомъ впередъ по пути развитія русскаго капитализма, дала непосредственно крайне странный, съ этой точки зрѣнія, результатъ: производительность русской индустріи упала¹⁾. Замѣчательно, что шестидесятые годы были временемъ, когда

¹⁾ Количество переработаннаго хлопка съ 2.643 тыс. пуд. въ 1861 г. упало до 850 тыс. пуд. въ 1862 и даже въ 1865 вновь поднялось лишь до 1591 п. Количе-

восточный вопрос тихо спалъ. Въ концѣ этого десятилѣтія знакомый намъ Данилевскій писалъ, что «война Россіи съ Турціей сдѣлалась невозможною и бесполезною», а на лондонской конференціи 1871 г. турецкая дипломатія оказала русской очень серьезную дружескую услугу. Нехотя позволивъ Россіи возстановить черноморскій флотъ, Англія и Австрія очень старались, чтобы возродившійся русскій флотъ былъ наглухо запертъ въ Черномъ морѣ, и потому предложили такую формулу закрытія проливовъ, которая давала Турціи возможность пропустить черезъ Дарданеллы любой флотъ, кромѣ русскаго. Но турки только что, за три года передъ этимъ, почувствовали въ Россіи могучаго друга: во время критскаго возстанія 1867 г. Россія чрезвычайно способствовала успокоенію грековъ, стремившихся притти на помощь критянамъ. Турція оплатила услугу за услугою: по ея настоянію формула была такъ измѣнена, что султанъ могъ пропустить и дружественный ему русскій флотъ. Александръ II лично благодарилъ турецкаго посла въ Петербургѣ.

Но если бы дѣло замерло на такой мертвой точкѣ (я говорю, разумѣется, о русской промышленности, а не о восточномъ вопросѣ), это значило бы, что реформа 1861 г. потерѣла окончательную неудачу. Такъ далеко дѣло не зашло. Къ началу 70-хъ годовъ русская промышленная летаргія кончилась¹⁾. Одновременно съ этимъ кончилась и русско-турецкая дружба. Этотъ фатальный конецъ русская дипломатія предвидѣла съ проницательностью, доходившей до чудеснаго. Въ январѣ 1875 г. на Балканскомъ полуостровѣ было спокойно (герцеговинское возстаніе началось только въ концѣ лѣта), а уже кн. Горчаковъ предвидѣлъ не только чрезвычайное осложненіе балканскихъ дѣлъ, но прямо войну и, со свойственною ему разговорчивостью, объяснялъ это иностраннымъ дипломатамъ²⁾. А едва началось герцеговинское возстаніе (куда менѣе серьезное, чѣмъ критское 1867 г.), какъ въ Петербургѣ уже вѣрили, что «Оттоманская имперія погибнетъ въ этомъ пожарѣ», и рисовали планы *балканской федераціи*. Можно подумать, что весь хлопокъ русскихъ фабрикъ шелъ на изготовленіе хлопчатобумажнаго пороха: таково было его взрывчатое свойство!

На самомъ дѣлѣ повторялось знакомое намъ явленіе: развитіе капитализма наталкивалось на устарѣвшія соціальныя перегородки, которымъ въ благоустроенномъ буржуазномъ государствѣ быть не полагается. Противорѣчіе экономическое многими сознавалось, но это не мѣшало всѣмъ его чувствовать. Отсюда чувство недомоганія въ буржуазныхъ, именно, кругахъ: среди крестьянства все было еще спокойно. Революціонное движеніе, поскольку оно было мѣстнымъ, а не интернаціональнымъ фактомъ (русскій бакунизмъ былъ отвѣтвленіемъ европейскаго) отражало собою именно это буржуазное недомоганіе, только благодаря ему движеніе въ этомъ періодѣ представляло

ство выплавленного чугуна съ 19.451 т. п. въ 1861 г. сошло до 15.268 т. п. въ 1862 г. (въ 1865—18.281 т. п.). Число суконныхъ фабрикъ съ 432 въ 1860 г. упало до 365 въ 1863, а производство ихъ съ 26¼ милл. р. до 26 ровно и т. д. См. Туганъ-Барановскій «Русская фабрика».

1) Года	Переработано:		Выплавлено чугуна
	хлопка	пряжи	
	(тысячи пуд.).		
1870	2801	254	21949
1873	3530	323	23484
1876	4708	340	26957

²⁾ Франц. послы Лезло. См. Hanotaux «Histoire de la France contemporaine» VI, pp. 58—59.

собою какую-нибудь угрозу для правительства. Последнее хотѣло бы сдѣлать изъ революціонеровъ пугало для буржуазіи, выставя ихъ врагами «государства и цивилизаціи», но это плохо помогало. Въ общемъ и цѣломъ сочувствіе буржуазнаго общества 70-хъ г. было на сторонѣ революціонеровъ. Изъ положенія надо было выйти, но самый проектъ выхода, завершеніе недоконченной реформы въ деревнѣ затрагивалъ дворянство,—а мы напрасно старались бы представить себѣ власть безъ классовой основы. Правительство 70-хъ годовъ было дворянскимъ правительствомъ ничуть не менѣе, чѣмъ правительство Николая I или Екатерины II. Выхода нужно было искать, не затрагивая сферы дворянскихъ интересовъ.

Послѣ относительной неудачи войны 1877—78 годовъ¹⁾ движеніе противъ «государства и цивилизаціи» вспыхнуло яркимъ пламенемъ—въ первый разъ со времени декабристовъ русская революція вышла изъ стадіи прокламацій. Достоевскій былъ совершенно правъ, когда съ побѣдой Россіи онъ связывалъ разгромъ социализма,—правъ для Россіи, по крайней мѣрѣ, если не для Европы. Послѣ русской неудачи онъ на два года прекратилъ свой «Дневникъ Писателя». А русскую промышленность пришлось выводить изъ тупика героическими средствами. Начиная съ того же 1877 г., русскій таможенный тарифъ быстро возвращается къ запретительнымъ ставкамъ временъ Николая I. Это была жертва—тяжелая жертва, принесенная дворянствомъ, если не на алтарь самаго отечества, то на алтарь отечественной промышленности. Тѣмъ, кто говорить, что учрежденіемъ дворянскаго банка былъ сдѣланъ кому-то какой-то «подарокъ», не мѣшаетъ объ этомъ подумать. Сами же дворяне относились вполне сознательно къ своей жертвѣ и подъ конецъ стали находить ее чрезмѣрной, несмотря на дворянскій банкъ. «Нашъ сельскохозяйственный кризисъ есть послѣдствіе колоссальнаго нарушенія равноправія между обрабатывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, въ привиллегіяхъ первой и угнетеніи въ ея пользу второго», говорилось на всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ 1895 г. Но зато буржуазія больше не аплодировала, когда «врагамъ государства и цивилизаціи» выносились оправдательные приговоры,—да кому было и выносить такіе приговоры.

Итакъ, вкратцѣ, какую же роль играло въ русской исторіи устремленіе къ Константинополю? Я позволю себѣ отвѣтить сравненіемъ: какую роль въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ играютъ переселенія въ Сибирь? Означаютъ ли они, что на старыхъ крестьянскихъ надѣлахъ нельзя вести болѣе интенсивнаго хозяйства? Отнюдь нѣтъ, но крестьяне не могутъ завести этого болѣе интенсивнаго хозяйства, оттого выселяются. Отчего русская промышленность ищетъ иностранныхъ рынковъ? Значитъ ли это, что внутренній рынокъ уже исчерпанъ? Отнюдь нѣтъ: этому внутреннему рынку мѣшаютъ развиваться устарѣлыя социально-политическія условія, соответствующія устарѣлому складу помѣщичьяго хозяйства. Помѣщики не хотятъ разстаться съ этими условіями. Въ этомъ «могутъ» и «хотятъ», въ этомъ субъективномъ отбѣнкѣ вся разница. Объективно же и турецкія войны, и крестьянскія переселенія служили одной цѣли: поддержанію устарѣвшаго типа народнаго хозяйства. И тѣ, и другія служили орудіемъ экономическаго, а съ ними и всяческаго другого застоя. Теперь, чего требовалъ Достоевскій? Политическаго застоя. Читатель, не былъ ли онъ такъ же правъ, требуя и Константинополя?

М. Покровскій.

¹⁾ См. статью «Восточный вопросъ отъ Парижскаго мира до Берлинскаго конгресса».